

В зоне молчания

Как говорить с подростками после принятия закона о запрете гей-пропаганды

11 июня Госдума приняла в третьем чтении закон о запрете пропаганды гомосексуализма. Сложные проблемы загнаны в подполье, где подростки останутся со своими вопросами один на один

11 июня напротив Государственной думы прошли стычки между ЛГБТ-активистами и защитниками традиционных ценностей

Автор текста — педагог, главный редактор журнала «Литература», доцент факультета филологии НИУ ВШЭ, преподаватель Школы-студии МХАТ, член Общественной палаты РФ и Общественного совета при Минобрнауки.

Итак, закон о запрете гей-пропаганды принят. И хотя в его тексте фигурирует более широкое понятие «нетрадиционные сексуальные отношения», коротко его будут называть именно так.

Какое отношение этот закон имеет ко мне, отцу вполне традиционного, с точки зрения авторов закона, семейства? Прямое. Я — учитель школы. Я — преподаватель вуза. Я — редактор журнала для учителей и преподавателей. Я — член Общественной палаты. И меня читает в фейсбуке больше двух тысяч человек, в том числе и подростки. Произнесенное мной слово перестает быть словом частным, то, что я говорю и пишу, можно будет при желании расценить как пропаганду. Видите, я уже на шагок к этому закону приблизился... Кроме того, основной мой контингент — это подростки, несовершеннолетние и люди, которые с ними работают. Вот и второй шагок... И мне очень хочется выяснить некоторые нюансы закона, чтобы постараться не попасть в его ловушки.

В законе говорится, что наказуемой пропагандой будет считаться распространение информации, направленной на формирование у детей нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности таких отношений, искаженного

представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных отношений, а также навязывание информации, вызывающей интерес к таким отношениям. О'кей.

Значит ли это, что если я считаю моего ученика нетрадиционной сексуальной ориентации (а с такими сталкивался и я, и многие другие педагоги — знаю не понаслышке) нормальным и желаю ему в будущем реализовать себя так, как он хочет, я подбираюсь к опасной грани противозаконного? Я еще ничего не пропагандирую, но внутри себя ощущаю этого человека как обычного и «законного», и отношения, которые он выстроит с подобным себе, тоже. Я еще не открыл рот, но я уже и не совсем чист перед законом.

А если открою рот? Ну потому что ученик придет поговорить по душам (а я сталкивался и с такими разговорами, как и многие другие педагоги — тоже, поверьте, знаю), или напишет в «личку», или в сочинении поделится своей проблемой. Я должен ему сказать, что думаю или что требует закон? Вот закон этот требует не формировать искаженное представление о равноценности традиционных и нетрадиционных отношений. Значит, если ко мне придет девочка-ученица поговорить о страданиях по поводу мальчика, я ее выслушаю, утешу и посоветую. А если страдания другой ученицы будут по поводу девочки? Мне надо ей сказать, что это гадко и извращенно? А если я с ней поговорю и утешу ее так же, как первую ученицу, буду ли я тем самым утверждать равноценность отношений? И подпаду ли под закон? Или это вообще еще не пропаганда? Потому что с глазу на глаз. И не целенаправленно, не систематически.

Ну а если разговор зайдет при классе? Потому что потребуются, например, вмешательство в ситуацию конфликта вокруг «инакого». Или обсуждение книги, фильма, случая, того же закона (подростки не слепые — и политикой, и происходящим в обществе многие интересуются). Или, скажем, спросят меня про проект «Дети 404» — на этот сайт пишут дети с нетрадиционной ориентацией, рассказывают, как им живется в мире взрослых, в мире гомофобов. Тут уж мне придется на публику говорить. И что? Что сказать? Или мне протянуть им текст закона, а самому промывать, мотая головой и не разжимая губ, что-то нечленораздельное — мол, не могу, видите, тут штрафы какие, а вдруг истолкуют не так? Нажалуются кто-то? Как бы чего не вышло...

”

Я не хочу, чтобы моего сына совращали. Неважно кто — тетенька или дяденька. Я хочу, чтобы он сам разобрался, чего он хочет, и чтобы у него произошло то, что должно произойти, так, как он сам пожелает

”

Или вот: сейчас в издательстве «Самокат» выходит книга Дарьи Вильке «Шутовской колпак». Пронзительная и прекрасно написанная. О мальчике, который буквально живет в кукольном театре (его родители — актеры), о мире театральных мастерских, о куклах — и о любви. Мальчик осознает свою нетрадиционность, сексуальную особость. И притворяется, чтобы не обнаружили, — играет роль шута. Шут — его любимая кукла. Постепенно он внутренне взрослеет и понимает, что шут — это не тот, кто валяет дурачка и всем дает себя лупить, не тот, кто прячется под шутовской колпак. Настоящие шуты свободнее и сильнее королей. И он решает совершить свой маленький каминг-аут. И побеждает.

Я часто рассказываю подросткам о новых книгах, потому что мы много читаем вне программы. Я хочу рассказать среди прочих и об этой. Но смогу ли сделать это теперь, не опасаясь быть обвиненным в той самой пропаганде? Где гарантии, что какой-нибудь родитель не прибежит в школу с криками о том, что его ребенку навязывают «книжку о пидорах»? Он даже открыть ее не удосужится — но будет уверен, что я совершаю преступное дело, даже просто знакомя учеников с ней. Вспомните, как быстренько поднялась родительская общественность на борьбу с Ильей Колмановским, требуя оградить детей от учителя-гея, который геем не был, а всего-то вышел к Госдуме поддержать

протест против принятия закона и объяснить людям, что гомосексуальность в человеке — от природы. Да, конечно, это была не вся родительская общественность, лишь малая часть, но у нас и одного неадекватного родителя достаточно, чтобы навсегда испортить жизнь учителю и школе. Поверьте, опять же знаю о чем говорю.

Закон принят, но споры о нем не утихают. В них, я заметил, часто подмешиваются проблемы, в законе не затронутые. Например, можно ли считать однополую пару семьей? Можно ли регистрировать брак или этот союз надо как-то по-другому обозвать? Можно ли однополым парам усыновлять детей? Вопросы эти обостряются в связи с тем, что в Европе все больше разрешают — для многих это знак, что нам пора запрещать. К сожалению, такая путаница и напряженность не позволяют разобраться в вопросе спокойно.

Агрессия выплескивается из многих людей при обсуждении однополых отношений (и нового закона в частности). Агрессия эта обнаруживает внутренний страх. Лекарством против страха может стать проговаривание проблемы. А закон загоняет ее в зону молчания. И ставит людей, работающих с подростками, перед непростым выбором.

Молчание губительно для подростков, обнаруживших в себе свою особость. Им надо о ней с кем-нибудь говорить. И я очень благодарен своим коллегам-педагогам, которые в ответ на мой вопрос в фейсбуке написали, что для них ничего не изменится с принятием этого закона и что они так же, как и раньше, будут стремиться помочь любому своему ученику в любой его проблеме. Потому что все ученики для них равноценны.

И последнее. Гомофобно настроенные люди в качестве одного из самых сильных аргументов в свою пользу используют такой ход: «Ты хочешь, чтобы твоего собственного сына совратил гей?» Отвечаю. Я не хочу, чтобы моего сына совращали. Неважно кто — тетенька или дяденька. Я хочу, чтобы он сам разобрался, чего он хочет, и чтобы у него произошло то, что должно произойти, так, как он сам пожелает. Или как они пожелают с тем или теми, с кем это будет происходить. И чтобы он знал, что в любой момент я готов с ним говорить и его принять. Или что есть другие взрослые люди, которые готовы это сделать.

А вот чего я очень не хочу — это чтобы он ломал себя в угоду большинству и его законам и не имел возможности быть самим собой. Или чтобы он остался без помощи людей, которые могли бы ее подать, но предпочтут промолчать — под страхом наказания.

Как соотносится закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений с нормами международного права и российской Конституцией? The New Times обратился за комментариями к юристам

Дмитрий Аграновский, адвокат: «Получится то же самое, что с экстремизмом»

По моему мнению, данный закон противоречит европейским конвенциям, подписанным Россией. Но выяснится это только опытным путем. Сейчас кто-то попадет под этот закон, попробует это обжаловать, получит право на обращение в Европейский суд. Поскольку вопрос достаточно острый, он может вполне получить приоритет на рассмотрение. В законе критерии не определены и под запрет попадут все кто попало.

Игорь Симонов, адвокат коллегии «Князев и партнеры»: «В законе запрет на пропаганду, а не на обсуждение»

Каждый человек имеет право выражать свое мнение, и его никто не может ограничивать. В Конституции у нас прописана свобода мнений и запрещена цензура. Но есть исключения, когда ограничения необходимы. Это когда под угрозу ставятся более высокие ценности, чем свобода слова, а именно жизнь и здоровье людей, особенно детей. Под ограничения попадают экстремистские высказывания и призывы, пропаганда суицида, например. Информация о нетрадиционных сексуальных отношениях может распространяться ограниченно, чтобы каждый мог по своему усмотрению, в соответствии со своими пристрастиями реализовывать себя в своей сексуальной жизни. Пропагандировать и продвигать этот образ жизни, может быть, не стоит. Я предполагаю, что в законе есть запрет на

пропаганду, а не на обсуждение. Пропаганда — это некая популяризация данных взаимоотношений. Думаю, что в этом и есть принципиальное значение закона.

Анна Ставицкая, адвокат: «Можно сразу обращаться в Европейский суд»

Этот закон противоречит не только международным договорам, которые ратифицировала Россия, но и Конституции, потому как она гарантирует, что все люди равны перед законом и судом. А получается, что этот закон говорит о неравенстве и в общем-то дискриминирует людей по признаку сексуальной ориентации. Еще важно в этом законе то, что само понятие пропаганды там прописано так, что понять, что именно является пропагандой, очень сложно. Для обращения в Европейский суд иногда достаточно самой формулировки. Не обязательно, чтобы закон был применен на практике. Если он противоречит конвенции, то уже исходя из того, что закон ратифицирован, можно обращаться в Европейский суд.

<http://www.thenewtimes.ru/articles/detail/67921/>